

с. м. петров

А. С. Трибоедов

1945

С. П Е Т Р О В

А. С. Г Р И Б О Е Д О В

О Г И З

*Государственное издательство
художественной литературы
Москва 1945*

В этом году советский народ отмечает столетие со дня рождения великого русского писателя Александра Сергеевича Грибоедова.

Гениальный драматург, талантливый поэт и музыкант, крупнейший дипломат, удивлявший современников своими «государственными способностями», по отзыву Пушкина,— «один из самых умных людей России», человек огромной культуры и энциклопедической образованности, Грибоедов,— говоря словами Белинского,— «принадлежит к самым могучим проявлениям русского духа».

Вместе с Пушкиным Грибоедов является основателем великой литературной школы русского реализма, давшей человечеству Тургенева

и Толстого, Чехова и Горького. Своей бессмертной комедией «Горе от ума» Грибоедов положил начало расцвету русской национальной драматургии.

1

«Отечество, сродство и дом мой в Москве», — говорил Грибоедов. Он родился в Москве 15 января 1795 года в семье офицера русской гвардии, С. И. Грибоедова. Имя Грибоедовых не раз упоминается на страницах русской истории. Среди предков драматурга встречаются царские воеводы, старинные книжники, военачальники. В 1614 году царь Михаил Федорович наградил М. Е. Грибоедова за его многие «службы» в ратном деле. «Он, Михайло», — говорится в царском указе, — против врагов «стоял крепко и мужественно, и много, дородство и храбрость и кровопролитие и службу показал». Среди родни Грибоедова были видные государственные деятели его времени: министр народного просвещения Разумовский, фельдмаршал И. Ф. Паскевич.

Семи лет Грибоедов поступает в Московский университетский пансион. Это учебное заведение пользовалось тогда большой известностью. Руководил им проф. А. Прокопович-Антонский, друг и ученик выдающегося русского просве-

тителя XVIII века П. П. Новикова. В пансионе учились поэт Жуковский, писатель В. Ф. Одоевский. Многие из воспитанников пансиона стали потом участниками движения декабристов.

Учился Грибоедов страстно и с необычайным блеском. Одиннадцати лет он уже был в Московском университете. Интересы, вероятно, самого юного из студентов были широки и многообразны. За шесть с половиной лет Грибоедов прошел почти весь университет, получил два диплома: кандидата словесных наук и кандидата прав; он учился и на третьем, естественно-математическом, факультете. Он владел французским, английским, немецким и итальянским языками. Внимательно изучал словесность, историю, философию, политическую экономию, право, занимался естественными науками и математикой.

С университетских лет Грибоедов выработал в себе ту умственную дисциплину, которая сказалась потом в его дальнейшей деятельности. Широта его научных интересов, серьезность занятий напоминают Герцена, Чернышевского. Грибоедов был одним из образованнейших людей своего времени.

Особенно влекла к себе Грибоедова литература. По свидетельству его ближайшего друга, С. Бегичева, «на пятнадцатом году жизни Грибоедова

обозначилось уже, что решительное его призвание — поэзия». Другой современник сообщает о Грибоедове, что «нередко читал он своим товарищам стихи своего сочинения, большей частью сатиры и эпиграммы». Студентом Грибоедов написал свою первую пьесу, до нас не дошедшую.

В годы пребывания Грибоедова в университете среди русской молодежи распространялись освободительные идеи, занесенные революционной бурей из Франции. Эти идеи сочетались с горячим патриотизмом. Декабрист Батенков рассказывает, что он проводил со своим другом Раевским «целые вечера в патриотических мечтаниях, ибо приближалась страшная эпоха 1812 года». «Мы развивали друг другу свободные идеи», — прибавляет он. Патриотическое вольнолюбие захватило и Московский университет, где одновременно с Грибоедовым учились П. Чаадаев, Никита Муравьев и многие другие из будущих деятелей освободительного движения. Студенты читали запрещенного Радищева, увлекались Вольтером и Руссо. Декабрист Никита Муравьев писал, что «в студенческие годы он не имел образа мыслей, кроме пламенной любви к отечеству». Эти настроения, конечно, не могли не овладеть и будущим автором «Горя от ума».

Грибоедов заканчивал университет накануне больших исторических событий в жизни России.

«Я был готов к испытанию для поступления в чин доктора,— пишет Грибоедов,— как получено было известие о вторжении неприятеля в пределы отечества нашего... Я решился тогда оставить все занятия мои и поступить в военную службу». Грибоедов становится офицером Московского гусарского полка.

1812 год вызвал в Грибоедове большой подъем патриотизма, ставшего основой всей его дальнейшей жизни и деятельности. «Мне не случилось в жизни... видеть человека, который бы так пламенно, так страстно любил отечество, как Грибоедов любил Россию»,— рассказывает один из его друзей. «Я хочу быть русским»,— любил говорить сам Грибоедов. Он справедливо считал, что вместе «с благими нравами» «любовь к отечеству и воинственный дух народа в защиту политического бытия своего основывают силу и прочность государства».

Грибоедову не пришлось участвовать в военных действиях. Но рассказы о великих событиях— о Бородинской битве и разгроме армии Наполеона, о «битве народов» под Лейпцигом, о взятии Парижа— волновали юного офицера. И именно в военные годы Грибоедов, как молодой Чацкий, «задумал о себе высоко». По его собственному признанию Бегичеву, в душе его «развернулсь» такие свойства, как «любовь к

добру», и он «начал дорожить... всем, что составляет истинную красоту души».

Эти высокие думы и чувства отразились уже в первых литературных опытах Грибоедова. Летом 1814 года он выступил как военный писатель-публицист сначала с «Письмом из Брест-Литовска к издателю («Вестника Европы») об офицерском празднестве, а затем со статьей «О кавалерийских резервах». Здесь Грибоедов высказывает мысль, что учреждение в русской армии системы тыловых резервов послужило тому, что «войско наше, после кровопролитных кампаний 1812—1813 годов, после дорого купленных побед, как феникс, восставало из пепла своего, дабы пожать новые, неувидаемые лавры на зарейских полях и явить грозное лицо свое в столице неприятеля». Здесь же Грибоедов, признавая неизбежность убытков в военное время, указывает на необходимость «сливать воинскую деятельность с соблюдением государственной экономии». Государственная польза лежала в основе соображений, высказанных девятнадцатилетним офицером Грибоедовым в этой статье.

По окончании войн с Наполеоном Грибоедов отправился в Петербург и поступил на службу в государственную коллегия иностранных дел, куда вскоре зачислился и Пушкин.

Начало литературной деятельности Грибоедова совпало с усилением русского общественного движения. Россия, освободившая Западную Европу от владычества Наполеона, взнесенная на вершину славы и могущества, сама все еще продолжала оставаться отсталой, крепостнической страной. Это противоречие страшно мучило разум и сердце передовых русских людей, по-настоящему любивших свою родину и желавших свободы и блага своему народу.

Свободолюбивые идеи и надежды, распространившиеся тогда главным образом среди передовой дворянской молодежи, отразили не только стремление русского народа освободиться от крепостной неволи, но и то революционное возбуждение, которым ознаменовалось в ряде стран Западной Европы первое десятилетие после падения Наполеона.

В русской литературе, всегда разделявшей горе и радости своего народа, в эти годы подъема началось большое оживление. Выходят новые журналы. Успехом пользуются романтика Жуковского и эпикурейская поэзия Батюшкова. Появились первые стихи Пушкина, славящего свободу. Возникают литературные кружки и общества. В 1816 году возродилось «Вольное общество любителей словесности, науки и художества», некогда объединявшее последователей

Радищева. Разгоралась борьба между знаменитым «Арзамасом», во главе с Жуковским, и защитниками литературной старины. Деятельно проявляло себя возникшее в том же 1816 году «Вольное общество любителей российской словесности», в котором главную роль играли будущие декабристы: Рылеев, Н. И. Тургенев, братья Бестужевы. В 1824 году в это общество был принят и Грибоедов.

Общественное и литературное движение того времени отразилось и в жизни русского театра. Выдвинулись новые артисты: Яковлев, знаменитая трагическая актриса Семеева, Каратыгины. Популярны были трагедии Озерова, комедии Шаховского, Хмельницкого, комические оперы и водевили. Эпикурейские и романтические мотивы в поэзии, веселый смех, раздававшийся со сцены, как бы гармонировал с теми вольнолюбивыми надеждами и мечтаниями, которыми полна была передовая дворянская молодежь. Многим тогда казалось, что само правительство Александра I уничтожит крепостное право и Россия перестанет быть отсталой страной.

Полон жизнерадостных настроений и Грибоедов. «С его неистощимой веселостью и остротой,— рассказывает Бегичев,— везде, когда он попадал в круг молодых людей, был он их душой...»

Обширные знакомства завязались у Грибоедова в литературных и театральных кругах Петербурга. Он сближается с литератором Жандром, драматургом Хмельницким, критиком Катениным, многими артистами, принимает живейшее участие в литературной полемике.

И в эту пору и позже Грибоедов с любовью следил за развитием русского театра. Он глубоко понимал сценическое искусство и гордился талантливыми русскими актерами. Его волнует «пламенная душа» «нашей Семеновой», он приветствует «дарование чудное» Каратыгина. В 1823—1824 годах Грибоедов встречался в Москве с великим русским актером Щепкиным, объяснял ему роль Фамусова. Сам Щепкин говорил впоследствии о Грибоедове и Гоголе как о «двух великих комических писателях», которым он «обязан более всех».

Грибоедова увлекает драматургия. Один и в сотрудничестве с друзьями — Жандром, Хмельницким, Шаховским — Грибоедов пишет пьесы «Притворная неверность», «Своя семья», «Молодые супруги», частью оригинальные, частью переделанные с французского. Мастерские по изяществу стиха, эти веселые пьесы славили любовь.

В 1817 году Грибоедов совместно с Катениным написал комедию «Студент», в которой можно

уже почувствовать будущего реалиста-сатирика.

Пьеса «Студент» — бытовая комедия с большой долей сатиры. Рисуется чванная и эгоистическая барская среда с ее расточительностью и крепостническими правами (образ Звездова). Комедия интересна и своим простым разговорным языком, близким к стилю «Горя от ума». По своим жанровым особенностям комедия «Студент» сходна с сатирико-бытовыми комедиями великого русского баснописца Крылова.

К концу 10-х годов в русской общественной жизни наметился кризис. Вместо уничтожения рабства в России началась аракчеевская реакция, преследование свободомыслия. В кругах передовой дворянской интеллигенции росло разочарование в Александре I, столь щедром на либеральные обещания, которых он не думал выполнять, озлобление против правительства.

Наиболее дальновидные деятели дворянского освободительного движения все острее и глубже стали понимать необходимость перехода от вольнолюбивых мечтаний к революционной борьбе с самодержавием. Общественная атмосфера накалялась.

Все это не могло не волновать Грибоедова. В годы петербургской своей жизни он сближается с многими молодыми «либералистами».

Лучшие его друзья, Бегичев, Катепин,— члены тайных политических обществ. В 1816 году Грибоедов вступил в масонскую ложу «Соединенных друзей». Одним из ее членов был Пестель, будущий руководитель Южного общества декабристов. В 1817 году Грибоедов знакомится с Пушкиным, который вырастал тогда в поэта всей свободолюбивой России.

Несомненно, что общие настроения разочарованности в жизни, обманувшей надежды, переживались и Грибоедовым. При знакомстве с ним Пушкин отметил «меланхолический характер» и «озлобленный ум» Грибоедова. В то же время Грибоедов чувствует все нарастающий разлад с окружающей барской средой, резко отрицательно относится к ней. Осенью 1818 года он пишет из Москвы Бегичеву:

«В Москве все не по мне. Праздность, роскошь, не сопряженные ни с малейшим чувством к чему-нибудь хорошему. Прежде там любили музыку, нынче она в пренебрежении; ни в ком нет любви к чему-нибудь изящному, а притом «несть пророк без чести токмо в отечестве своем, в средстве и в дому своем». Отечество, средство и дом мой в Москве. Все тамошние помнят во мне Сашу, милого ребенка, который теперь вырос, много повесничал, наконец, становится к чему-то годен, определен в миссию и

может современем попасть в статские советники, а больше во мне ничего видеть не хотят. В Петербурге я по крайней мере имею несколько таких людей, которые, не знаю, на столько ли меня ценят, сколько я думаю, что стою, но, по крайней мере, судят обо мне и смотрят с той стороны, с которой хочу, чтоб на меня смотрели. В Москве совсем другое».

И дальше Грибоедов с грустью напоминает Бегичеву первые годы их дружбы, когда они оба только начинали жить и души их были полны «истинной красоты» и «любви к добру».

Незадолго до этого письма одно трагическое событие усугубило тягостные настроения Грибоедова. В качестве секунданта он принял участие в дуэли, возникшей из пустяков и окончившейся смертью.

«Жизнь Грибоедова,— вспоминал потом Пушкин об этом времени,— была затемнена некоторыми облаками: следствие пылких страстей и могучих обстоятельств. Он почувствовал необходимость расчесться однажды навсегда с своей молодостью и круто поворотить свою жизнь. Он простился с Петербургом и с праздною рассеянностью и уехал в Грузию».

В июле 1818 года Грибоедов был назначен секретарем русской дипломатической миссии в Иране.

«Жадно всматривался Грибоедов,— нищет лучший его биограф проф. Пиксанов,— в очертания нового мира, раскрывавшегося перед ним. Его увлекали картины природы в Закавказьи и Северной Персии; с особенным любопытством археолога он осматривал памятники древней архитектуры и припоминал при этом свидетельства античных историков; не менее были для него интересны особенности восточного быта и государственных порядков и обычаев в Персии.. В половине февраля путешественники уже были в Тавризе, первом крупном центре Персии, резиденции наследника престола Аббаса-Мирзы. Посольство было здесь принято торжественно, с большими почестями».

По возвращении из Ирана Грибоедов стал служить дипломатическим секретарем при командующем русскими войсками на Кавказе генерале Ермолове, герое войны 1812 года.

На Кавказе Грибоедов много работал над собой. Поистине безгранична была его жажда знаний. Указывая на Байрона, Гете, Шиллера, Грибоедов говорил, что они «от того именно вознеслись выше своих союжников, что гений их равнялся их учености».

На Кавказе, а позднее и в Петербурге Грибоедов продолжал свои занятия по изучению права, философии, истории, политиче-

ской экономии, овладевая одновременно восточными языками. Грибоедов углублялся в науку с возвышенной целью служения родине. «Он читал не для препровождения времени,— замечает его друг,— но для того, чтобы научиться, и умел из всего извлекать полезное для ума и сердца». «Чем человек просвещеннее,— говорил Грибоедов,— тем он полезнее своему отечеству». Как и Пушкин, как большинство декабристов, Грибоедов стремился «в просвещении стать с веком наравне» для решения тех практических общественных проблем, которые стояли перед русской жизнью.

С большой любовью изучал Грибоедов мировую литературу. В подлинниках читал он творения поэтов древних культур. «Мировая литература была открытой книгой для Грибоедова». Особенно интересовала его древнеримская комедия (Плавт и Теренций). По свидетельству Бегичева, Грибоедов «знал наизусть» Шекспира, Шиллера и Гете. Из последнего он перевел «Пролог к «Фаусту». Превосходно зная Мольера и других представителей французского классицизма, Грибоедов, как и Пушкин, все же предпочитал им свободный, не связанный никакими условностями гений великого английского драматурга.

На Кавказе Грибоедов сблизился с другом

Пушкина, поэтом-декабристом В. К. Кюхельбекером, чему, несомненно, способствовала общность их «свободного образа мыслей» и их стремлений к развитию русской национальной культуры, к утверждению ее самобытности: всю свою жизнь вспоминал Кюхельбекер о дружбе с Грибоедовым.

На Кавказе созрел поэтический гений Грибоедова. Здесь он начал осуществлять давно занимавший его замысел комедии «Горе от ума». Первые ее акты читал он Кюхельбекеру.

Весной 1823 года Грибоедов приехал в отпуск в Москву. Под влиянием свежих впечатлений и наблюдений Грибоедов многое переделал в уже написанных сценах комедии. В основном закончил он ее весной 1824 года.

И в Москве и в Петербурге, куда Грибоедов переехал в июне 1824 года, «Горе от ума» имело необычайный и шумный успех. Все хотели послушать комедию в мастерском чтении самого автора. Грибоедов много раз читал ее сам друзьям и знакомым. Сообщая об успехе «Горя от ума» в петербургских литературных кругах, Грибоедов писал Бегичеву: «Читал я ее Крылову, Жандру, Хмельницкому, Шаховскому, Гречу и Булгарину, Колосовой, Каратыгину: 8 чтений, Нет, обчелся, двенадцать; третьего дня обед был у Столыпина и опять чтение, и еще слово дал

на три в разных закоулках. Грому, шуму, восхищению, любопытству конца нет...»

Враждебное отношение комедия встретила в консервативных кругах, в частности в журнале «Вестник Европы». Напротив, декабристы восторженно приветствовали «Горе от ума». В литературном альманахе «Полярная звезда» А. Бестужев писал: «Рукописная комедия г. Грибоедова «Горе от ума» феномен, какого не видали мы от времен «Недоросля». Толпа характеров, обрисованных смело и резко; живая картина московских нравов, душа в чувствованиях, ум и остроумие в речах, невиданная доселе беглость и природа разговорного русского языка в стихах. Все это завлекает, поражает, привлекает внимание. Человек с сердцем не прочтет ее, не смеявшись, не тронувшись до слез... Будущее оценит достойно сию комедию и поставит ее в число первых творений народных».

Высоко оценили декабристы и освободительное значение комедии. Декабрист Беляев рассказывает в своих воспоминаниях: «Комедия «Горе от ума» ходила по рукам в рукописи; слова Чацкого: «все распроданы по одиночке» приводили в ярость». В записках Завалишина указывается, что осенью 1825 года декабристские «литературные деятели захотели воспользоваться предстоящими отпусками офицеров для распростра-

нения в рукописи комедии Грибоедова «Горе от ума», конечно, в целях пропаганды своих политических идей.

Царская цензура, испуганная свободолобивыми идеями «Горя от ума», запретила печатать пьесу, а тем более играть ее на сцене. Удалось опубликовать только часть комедии. Тогда «Горе от ума» стало распространяться в рукописных списках.

«Списки комедии с поразительной быстротой распространились всюду», — рассказывает один из современников. В Петербурге военные и штатские писаря зарабатывали значительные деньги, изо дня в день копируя «Горе от ума». Любители собирались кружками и под диктовку переписывали драгоценный текст сразу в нескольких экземплярах. Ни одна книга не печаталась тогда в таком количестве экземпляров, сколько разошлось списков «Горя от ума». Скоро комедию узнала вся мыслящая Россия. Так блистательно началась ее более чем столетняя слава.

2

Комедия «Горе от ума» — исторически правдивое и высокохудожественное отражение русской жизни той эпохи, которая наступила вскоре после 1812 года.

Это было переломное время в жизни России. «Наполеон вторгся в Россию,— вспоминал потом декабрист Бестужев-Марлинский,— тогда-то русский народ впервые ощутил свою силу; тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва национальной, а впоследствии и народной. Вот начало свободомыслия в России».

Грибоедов хорошо понимал значение 1812 года для русской жизни его времени. Повидимому, вскоре после окончания «Горя от ума» он задумал народную трагедию о войне 1812 года как об одном из величайших событий в истории России. Героем трагедии является крепостной крестьянин, отличившийся в боях за родину. Принужденный по окончании войны снова вернуться в крепостную неволю, он предпочел смерть рабству. В своей трагедии Грибоедов хотел показать пробуждение общественного, гражданского самосознания в народе под влиянием славных побед 1812—1814 годов. В образе грибоедовского героя-патриота в трагедии возникал образ всего русского народа с его ненавистью к крепостному праву, с его любовью к отечеству, с его стремлением к свободной жизни.

Отражением антикрепостнических настроений народа и было то освободительное движение

среди передовой дворянской молодежи, которое перешло в дальнейшем в революционную борьбу декабристов против самодержавия. В «Горе от ума» в юности Чацкого отмечен ранний час этого движения, когда еще в нем все было «и мягко так, и нежно, и незрело».

По своему историческому смыслу «Горе от ума» является как бы введением в историю русской общественной жизни первой половины прошлого столетия.

Историческое содержание «Горя от ума» раскрывается прежде всего как столкновение и смена двух больших эпох русской жизни — «века нынешнего» и «века минувшего». В сознании передовых людей того времени историческим рубежом русской жизни между XVIII и XIX столетиями были 1812—1814 годы — пожар Москвы, разгром Наполеона, возвращение армии из заграничных походов. Отзвуками этих событий полна грибоедовская комедия. Именно в эту пору пробуждается общественное самосознание Чацкого, его патриотические чувства, начинается его самостоятельная жизнь.

На первом плане в «Горе от ума» нарисована, говоря словами Пушкина, «резкая картина правов» барской Москвы. Но в разговорах, в репликах героев комедии возникает и облик сто-

личного, министерского Петербурга, и саратовская глушь, где живет тетка Софьи, и «необозримые равнины», «все та же глушь и степь» широких просторов России, которые представляются грустному воображению Чацкого. В комедии выступают люди самого различного общественного положения: от Фамусовых и Хлестовой — представителей московской дворянской знати, до крепостных слуг, которым в любое время грозит барская расправа. А в обличительных речах Чацкого звучит голос всей закрепощенной России.

В «Горе от ума» поставлены важнейшие политические, моральные, культурные проблемы эпохи: вопрос о роли разума, идей в общественной жизни, о взаимоотношении поколений, «отцов и детей», народа и дворянской интеллигенции, проблема гуманизма, истинного и ложного либерализма, деятельности тайных политических обществ, воспитания дворянской молодежи, просвещения и национальной культуры, проблемы долга, чести и человеческого достоинства, любви и дружбы и т. д. «Горе от ума» одна из самых злободневных пьес русской драматургии, блестящий пример тесной связи литературы и общественной жизни, образец умения писателя в художественно совершенной форме откликнуться на актуальные явления современ-

ности. Многие проблемы, поставленные в «Горе от ума» Грибоедовым, продолжали волновать русскую общественную мысль и русскую литературу много лет спустя после появления комедии.

В обличительных речах Чацкого и восторженных рассказах Фамусова Грибоедов воссоздает образ XVIII-го, «минувшего века». Это «век покорности и страха», «век Екатерины» с его «вельможами в случае», с льстецами-придворными, со всей его пышностью и развращенными нравами, с безумным мотовством и пирами в «великолепных палатах», с «роскошными забавами» и нищетой крепостных крестьян, с его наивно-эгоистической моралью и с «окаянными вольтерьянцами», о которых со старческим возмущением вспоминает «графиня-бабушка» — тень этого ушедшего века.

«Век минувший» и является идеалом барского, фамусовского общества. По мнению Фамусовых, счастье в наслаждении исключительно материальными благами жизни. Богатство и власть дают эти блага. Для достижения их все средства хороши: лесть, «низкопоклонничество», брак по расчету, связи с влиятельными аристократическими кругами и «не оплошное» управление поместьями, то есть выжимание всех соков из крестьян. «И на-

гражденья брать и весело пожить» — в этих словах Молчалина, как и в фамусовском восхищении екатерининским вельможей и богачом Максимом Петровичем, выражен весь идеал «века минувшего», его грубо-эгоистическая философия жизни. С точки зрения крепостнической морали Павел Афанасьевич Фамусов — достойнейший человек. Твердо усвоив ее заповеди, он достиг желаемого. Он богат, пользуется почетом и влиянием, не обременен службой и делами. Он дал прекрасное, по его понятиям, воспитание Софье и ищет для нее выгодного жениха. Он пригрел Молчалина и вообще заботится о родне. С гордостью и удовлетворением говорит он:

При мне служащие чужие очень редки;
Всё больше сестрицы, свояченицы детки.

Он добр, но до тех пор, пока слуги ему послушны, не строптивы. Чего он не любит — это книг, от которых ему «больно спитися», в которых он не видит проку. Напротив, он убежден, что от книг, от просвещенья только вред, и негодуяще восклицает:

Ученье — вот чума, ученость — вот причина,
Что нынче, पुще, чем когда,
Безумных развелось людей, и дел, и мнений.

Для Фамусова и всего фамусовского общества люди, подобные Чацкому, новые идеи и явления жизни не только не приемлемы, но и непонятны. Идеи эти они считают «завиральными», о Чацких готовы даже сожалеть, до тех пор, пока они не опасны их благополучию и строю жизни. Но когда фамусовское общество чувствует огромную силу Чацких, разоблачающих пустоту, эгоизм и паразитичность его жизни, оно ошестинивается и готово расправиться с ними всеми возможными средствами. Пока в XVIII веке идеи гуманизма и социального прогресса были отвлеченны, не связаны с конкретно-исторической общественной обстановкой русской жизни, высшие дворянские круги во главе с Екатериной II ничего против них не имели. Но когда Радищев с точки зрения этих идей стал разоблачать Фамусовых своего времени, его сочли «хуже Пугачева». Почти то же и в комедии «Горе от ума». После своих обличительных речей Чацкий встречает со стороны фамусовского общества единодушную вражду и ненависть и общее признание его «сумасшедшим». Так через десяток лет после драмы Чацкого Николай I объявил сумасшедшим Чаадаева за то, что он выступил с идеями, отрицавшими какие бы то ни было исторические права на существование самодержавно-крепостнического строя. Разоблачая реак-

дионность фамусовского общества, Грибоедов хотел показать, куда ведет русскую жизнь господство Фамусовых. Ведь даже по сравнению с «веком минувшим» фамусовщина была шагом назад. До времен Радищева «век Екатерины» не относился с такой нетерпимостью к книгам, к искусству, как его поклонники — Фамусовы. Непримируемая вражда фамусовского общества к культуре и просвещению означала решительный отказ крепостнического дворянства от какого бы то ни было прогресса.

В этом смысле большое политическое значение имеет в «Горе от ума» и образ Скалозуба.

В судьбе двух братьев Скалозубов Грибоедов исторически верно воссоздает два типа русской военной среды 10—20-х годов.

Двоюродный брат Скалозуба, вышедший после войн 1812—1814 годов в отставку и уехавший в деревню «читать книги», принадлежит к той вольнолюбивой части офицерства, из которой вышли потом многие декабристы-военные. О правдивости этого образа свидетельствует декабрист Каховский. «У нас молодые люди при всех скудных средствах занимаются более, чем где-нибудь,— пишет он,— многие из них вышли в отставку и в укромных своих сельских домиках учатся и устраивают благоденствие и просвещение земледельцев, судьбою их попечению

вверенных. Сколько встретишь теперь 17-летних молодых людей, о которых смело можно сказать, что они читали старые книги».

Другая часть, отличающаяся «рассудка нищетою», изображена в комедии в полковнике Скалозубе — типичном представителе аракчеевщины. В его облике нет ничего карикатурного: исторически он вполне правдив. Как и Фамусов, полковник Скалозуб руководится в своей жизни «философией» и идеалами «века минувшего», только в еще более грубой и откровенной форме. Цель своей службы он видит не в защите отечества от посягательств врага, а в достижении всё тех же богатства и знатности, которых для военного, по его мнению, легче достигнуть, потому что «иные, смотришь, перебиты».

Чацкий характеризует его так:

Хрипун, удавленник, фагот,
Созвездие манёвров и мазурки!

Софья также замечает, что Скалозуб только и говорит, что «о фрунте и рядах». Сам полковник обнаруживает всю глубину своей мысли соображениями «о петличках и выпушках» на мундирах.

Источник «военной мудрости» Скалозуба очевиден. Это та прусско-павловская школа в рус-

ской армии, которая была столь ненавистна свободомыслящим офицерам того времени, воспитанным на заветах Суворова и Кутузова. Возможно, что создать образ Скалозуба Грибоедову помогли беседы с героем 1812 года, генералом Ермоловым, ненавидевшим немцев и презиравшим прусскую военную школу. Сам Грибоедов разделял эту ненависть и говорил, что «быть немцем очень глупая роль на этом свете».

В одной из ранних редакций разговора с Репетиловым Скалозуб прямо заявляет:

Я школы Фридриха: в команде гренадеры
Фельдфебеля — мои Вольтеры.

В окончательной редакции Грибоедов раскрывает все страшное значение Скалозуба — врага просвещения, мысли и свободы, опоры реакции. Именно люди этого типа менее чем через два года после окончания «Горя от ума» расстреляли из пушек декабристов на Сенатской площади в Петербурге.

Можно много сказать об индивидуальном облике и исторической типичности ряда других персонажей, представляющих в комедии фамусовское общество. С едкой сатирой рисует Грибоедов образ барской Москвы, полностью раскрывающийся на балу у Фамусовых.

Люди фамусовского круга проводят свое время в светских развлечениях, пошлых интригах, сплетнях, злоязычии. Все это было исторической правдой. Как справедливо говорит Герцен, Грибоедов видел собственными глазами эти «призраки сановников в отставке, прикрывающие орденами и звездами целые бездны неспособности, невежества, тщеславия, угодливости, надменности, низости и даже легкомыслия и вокруг этих «покойников, которых позабыли похоронить», целый мир клиентов, интриганов, туеядцев, ведущих жизнь, преисполненную формализма, этикета и лишенную всякого общественного интереса».

А между тем они гордятся собой, считают себя солью земли, столпами общества, избранными представителями нации. Противоречие между претензиями этих господ и их ничемностью выявлено с предельной остротой в сарказмах Чацкого. Его обличительные речи достигают высокого и благородного пафоса, когда он вступает за обездоленных и несчастных крепостных крестьян, чье бесправное положение и тяжелый подневольный труд были основой благополучия и паразитической жизни фамусовского общества.

На грани между этим обществом и Чацким — одна из основных фигур комедии — Софья, пере-

жившая свое «горе от ума». Софья гораздо выше своих сверстниц, столь резко обрисованных Грибоедовым. Для них важна не любовь, а «муж-мальчик», «муж-слуга» и вместе с тем — богатый и знатный муж. Софья живет только любовью. Невысокое и зависимое положение Молчалина не смущает ее, а даже как будто усиливает ее чувство к нему. Ее любовь серьезна, это не флирт светской девушки, она дает ей смелость не бояться мнения «света». «Что мне молва, кто хочет, так и судит», — говорит она. Да она и не увлекается, как все, светской суетой, она любит музыку, чтение. Ее отец — Фамусов — называет это «прихотью». Действительно, тогда это было новостью в быту дворянской девушки. Софья в ужасе от того, что отец прочит ей в женихи Скалозуба, который «слова умного не выговорил с роду». Не любит она и то пустое умничанье, острословие и злоязычие, которыми отличались петиметры XVIII века. Однако она смешивает с этим подлинный ум и остроумие Чацкого. Беспощадно-логичная, острая мысль Чацкого чужда и неприятна Софье: Софья не доросла до нее и слишком полна «чувствительности». Ее идеал — робкий, мечтательный юноша, образ которого рисовала ей сентиментальная литература конца XVIII и начала XIX века. Его качест-

вами Софья наградила Молчалина, «любуюсь им». Это и было источником ее драмы. Не поняв Молчалина, она не сумела оценить Чацкого, который, по словам Лизы, был не только «весел и остер», но и «чувствителен», хотя и не в том смысле, который придавала этому слову Софья.

«Чацкий пылкий, благородный и добрый малый», — заметил Пушкин, ознакомившись с «Горем от ума» в своей ссылке в Михайловском. «Фигура Чацкого меланхолическая, ушедшая в свою иронию, трепещущая от негодования и полная мечтательных идеалов, появляется в последний момент царствования Александра I, накануне возмущения на Исакиевской площади; это — декабрист, это — человек, который завершает эпоху Петра I и силится разглядеть, по крайней мере на горизонте, обетованную землю», — пишет Герцен. «Чацкий — декабрист», — утверждает и Достоевский. «Чацкий до сих пор единственное героическое лицо нашей литературы», — заявляет в 1862 году критик Аполлон Григорьев. Гончаров сопоставляет Чацкого с Дон-Кихотом Сервантеса и Гамлетом Шекспира. Так воспринимали образ Чацкого представители разных направлений русской общественной и литературной мысли различных эпох.

Историческое содержание образа Чацкого,

сущность и значение его освободительных идей, общественный смысл его драмы раскрываются в истории его столкновения с фамусовским обществом.

Детство Чацкого прошло в доме Фамусова.

В годы, когда все «мягко так, и нежно, и незрело», на юное сердце остро пали впечатления от быта московского барства, где с внешней культурностью сочетались откровенно крепостнические нравы. Дух «века минувшего», «низкопоклонничество» и пустота жизни фамусовского общества рано возбудили в Чацком скуку и отвращение.

...Уж у нас ему казалось скучно,
И редко посещал наш дом,—

рассказывает Лизе Софья. Несмотря на дружбу с ней, Чацкий покидает дом Фамусова.

Началась самостоятельная жизнь. В Москве гостила тогда гвардия, только что вернувшаяся с победой из заграничных походов. Горячее патриотическое чувство охватило и пылкого Чацкого. С вольнолюбивыми идеями его также, вероятно, познакомили друзья из свободомыслящих гвардейских офицеров.

Все это решило судьбу Чацкого. Ни беспечная светская жизнь, ни счастливая дружба, ни даже

пользовавшаяся взаимностью любовь к Софье теперь уже не могли удовлетворить его.

Охота странствовать напала на него —
Вот об себе задумал он высоко...—

продолжает рассказ свой о жизни Чацкого Софья.

В то время «высокие думы», волновавшие передовую молодежь, означали любовь к родине, вольнолюбивые искания, возвышенные цели жизни. Чацкий переживал то, о чем рассказывает первый декабрист В. Ф. Раевский:

«Эта высокая цель жизни самой своей таинственностью и начертанием новых обязанностей резко и глубоко проникла в душу мою, я как будто получил особенное значение в собственных своих глазах: стал внимательно смотреть на жизнь во всех проявлениях буйной молодости».

Чацкий становится подлинным представителем передовой дворянской интеллигенции своего времени, выразителем ее духовной и нравственной эволюции, вызванной великими событиями эпохи.

Ах! если любит кто кого,
Зачем ума искать, и ездить так далеко?

Эти слова Софья сказала, вероятно, и Чацкому

в дни их разлуки. Они принесли ему, разумеется, много страданий. Но долг перед родной был для него, как, например, и для Рылева, выше любви. Предчувствуя сердечную утрату, «обливаясь слезами» при прощании, Чацкий все же покидает Москву и едет в Петербург.

Петербург был полон тогда общественного возбуждения. Началось освободительное движение, сначала еще не определенное по программе и планам, но полное вольнолюбивых надежд и свободомыслия.

В этой обстановке и сложились взгляды и стремления Чацкого.

Сначала он заинтересовался литературой. Даже в Москву до Фамусова дошли слухи, что Чацкий «славно пишет, переводит».

Потом Чацкого увлекает общественная деятельность. У него возникает «с министрами связь». Чацкий, вероятно, поступает на государственную службу. Однако не надолго. Гордость и высокие понятия о чести не позволяли прислуживаться. Чацкий хотел служить, но делу, а не лицам. Последовал разрыв...

После этого Чацкий отправился в деревню. Имение его было, повидимому, недалеко от лагеря, где находился в полку его приятель Горич. О встречах с ним в эту пору Чацкий вспоминает в Москве на балу.

В деревне Чацкий, по словам Фамусова, «наблужил». В глазах Фамусова «блажь» Чацкого, приведшая к «оплошному управлению» имением, могла означать только то человеческое отношение к крепостному крестьянству и те прогрессивные хозяйственные реформы, которые отличали некоторых декабристов, желавших хоть как-нибудь облегчить для крестьян крепостную неволю. Возможно, что Чацкий, подобно Евгению Онегину, гнет барщины «оброком легким заменил».

Вскоре Чацкий отправляется за границу. На «путешествия» стали тогда смотреть косо, как на проявление либерального духа и оппозиционной независимости.

Пребывание передовых русских людей в Западной Европе, несомненно, имело большое значение для их идейного развития. Однако биография грибоедовского героя свидетельствует, что еще до своего путешествия за границу Чацкий сложился как типичный представитель раннего периода декабристского движения. Любовь Чацкого к «высокому», его вольнолюбие возникает на почве русской действительности, как следствие пробуждения его патриотических чувств, его благородной вражды к барским правам и крепостнической морали.

Не отрицая роли передовых западноевропей-

ских идей, Грибоедов впервые в русской литературе раскрыл в биографии и образе Чацкого национально-историческое происхождение русского освободительного движения 20-х годов. Вслед за Грибоедовым сделал это и Пушкин в «Евгении Онегине» (путешествие Онегина по России и отрывки из X главы романа).

Чацкий возвращается в Москву полный надежд и высоких мечтаний. В чужих краях он страшно истосковался по родине, и «дым отечества» был ему «сладок и приятен».

«Чуть свет уж на ногах, и я у ваших ног...» С этой фразой, полной изящества и чувства, Чацкий снова встречается с Софьей.

Он оживлен свиданием, он верит любви. Его остроты веселы, но не желчны. И он очень удивлен, когда Софья, раздраженная стрелой, пущенной в Молчалина, спрашивает Чацкого, случилось ли ему, «хоть ошибкою, добро о ком-нибудь сказать?» Сначала он ответил было нежной шуткой. Но потом, почувствовав раздражение Софьи от его острот, Чацкий, после минутного молчания, говорит уже серьезно:

Послушайте, ужли слова мои все колки?

И клопятся к чьему-нибудь вреду?

Но если так: ум с сердцем не в ладу.

Я в чудаках иному чуду
Раз посмеюсь, потом забуду:
Велите ж мне в огонь: пойду как на обед.

Пушкин отметил пылкость и доброту Чацкого. Действительно, пылкость, страстность, доброе и доверчивое отношение Чацкого к людям составляют основу его характера. Он пылко любит Софью и также пылко, «жизнь кляня», хочет дать «громовой ответ» тем, кто попытался над ним смеяться. Пылкость Чацкого соединяется в нем с волей. Он умеет владеть своими чувствами, подчинять их разуму. Ум с сердцем у него всегда в ладу. Пылкость Чацкого — это не романтическая пылкость пушкинского Ленского, соединенная с незрелостью мысли. Чацкий соединял в себе рационалистическую ясность и остроту разума передовых людей XVIII века и романтическую страстность эпохи Байрона.

С другой стороны, Чацкий ещё не испытал того глубокого и озлобляющего разочарования в людях, которое было свойственно Онегину или Печорину. Оттого в Чацком не было разъедающего скептицизма этих литературных героев более позднего времени.

Напротив, вера в людей составляет основу сердца и разума Чацкого. В этом смысле в Чац-

ком многое напоминает декабристов, например, Рылеева. По отзыву Бестужева, «сердце его (Рылеева) было слишком открыто, слишком доверчиво. Он во всяком человеке видел благонамеренность, не подозревал обмана».

В юные годы у Чацкого, несмотря на ясное сознание им многих темных сторон действительности, сложилось оптимистическое представление о характере и направлении современной ему жизни, по сравнению с недалеким прошлым.

Как посравнить да посмотреть
Век нынешний и век минувший:
Свежо предание, а верится с трудом, —

с удовлетворением говорит он Фамусову.

Еще совсем недавно «прямой был век покорности и страха». Тот славился, «чья чаще гнулась шея». Ныне же «охотники поподличать» жестоко осмеиваются, а страх насмешки «держит стыд в узде». Так изменилось в представлении Чацкого общественное мнение.

Пробудилось чувство личного достоинства. Не всякий хочет прислуживаться, не каждый ищет покровителей. Многие желают «служить делу, а не лицам». Сознание гражданского долга и общественного блага начинает вытеснять корыстные интересы.

Все это в понимании Чацкого было выражением стремлений к «свободной жизни». Фамусов был совершенно прав, когда в картине «нынешнего века», нарисованной перед ним Чацким, усмотрел «проповедь вольности». Сам Чацкий и смотрел на себя как на представителя нового «духа времени».

В знаменитом своем монологе «А судьи кто...» он выступает от имени многих:

Где, укажите нам, отчества отцы...
Вот уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вот наши строгие ценители и судьи!

Кто это — «мы»? Кого здесь имел в виду Чацкий?

«Судьям», у которых к «свободной жизни вражда непримирима», которые «сужденья черпают из забытых газет времен Очаковских и покоренья Крыма», Чацкий противопоставляет молодое поколение, идущее другими путями жизни. Образ «одного из нас, из молодых людей», от имени которых и говорит Чацкий, живо рисуется им. Это

...враг исканий,
Не требуя ни мест, ни повышенья в чин,
В науки он вперит ум, алчущий познаний;

Или в душе его сам бог возбудит жар
К искусствам творческим, высоким и прекрасным...

Многие исследователи ошибочно интерпретировали образ Чацкого как образ «лишнего человека», беспочвенного «мечтателя», «одинокого протестанта» и т. п. Сам Чацкий твердо чувствовал себя на почве «нынешнего века». Наконец Чацкий сам сознавал себя отнюдь не одиноким.

Чацкий имел для этого основания.

Среди «алчущих познаний» был и уже упомянутый нами двоюродный брат Скалозуба, отказавшийся от чинов и отправившийся «ума искать» в деревню, где он начал читать книги; и князь Федор — химик и ботаник, чуждающийся пустой, светской жизни, и та передовая молодежь, от имени которой говорит все время Чацкий.

Так это и было в действительности. «Смело говорю,— пишет декабрист Каховский о молодежи времен юности Чацкого,— что из тысячи молодых людей не найдется ста человек, которые бы не пылали страстью к свободе. И юноши, пламенея чистой, сильной любовью к благу отечества, к истинному просвещению, делаются мужами».

О том же говорят и П. И. Тургенев, и Штейнгель, и многие другие декабристы. За

Чацким стояло целое поколение передовой русской молодежи.

Но за три года странствований Чацкого в общественной жизни произошли глубокие перемены. Чацкого ждало горькое разочарование.

В третьем акте комедии драма Чацкого, и любовная и общественная, достигает предельного напряжения. Измученный сомнениями, но все еще надеющийся, Чацкий слышит, наконец, горькую истину. Не называя имени, Софья признается ему, что «иные» ей милее. Он глубоко взволнован ее приговором, и ему больно от улыбки Софьи.

И я чего хочу, когда всё решено?

Мне в петлю лезть, а ей смешно.

Любовь Чацкого — это не только страсть. Любовь Чацкого не отделима от его моральных принципов. Он мог любить только человека, который соответствовал его высоким понятиям о чести, благородстве, нравственности. В этом отношении Чацкий более близок к людям 60-х годов, чем к Опегину и Печорину. Для последних любовь главным образом «наука страсти нежной», для Чацкого любовь — целый мир, возвышенный и благородный. В этом смысле Чацкий — цельная натура, человек, чуждый той

охлажденности чувства, от которой страдали Онегин и особенно Печорин. Чацкий любил горячо и сильно.

Душевная пылкость, благородство, нравственная чистота Чацкого хорошо объясняют сцену его разрыва с Софьей. Гончаров полагает, что Чацкий наговорил «кучу вздора, потеряв себя, будучи невменяем...» Это не так. Чацкий был потрясен не только тем, что Софья разлюбила его: он потрясен и тем, что его доверие к ней, его возвышенное о ней представление, все прошлое было, как ему кажется, растоптано Софьей, осмеяно и унижено.

А вы! о боже мой! кого себе избрали?

Когда подумаю, кого вы предпочли! —

воскликает он. В этих словах звучит не уязвленное самолюбие отвергнутого возлюбленного, а оскорбленная гордость чистой и благородной личности, человека возвышенной морали и больших требований к себе и к людям. Вот почему Чацкий и не мог промолчать, а должен был высказать все это Софье. У людей типа Чацкого это оправдывалось нравственно и психологически.

Бестужев рассказывает в своих воспоминаниях о том, как Рылеева однажды обманула женщина.

«Можно себе представить всю силу негодования пылкого Рылеева,— пишет Бестужев,— когда вероломство женщины, которую считал он образцом своего пола, представилось ему в настоящем виде. Он хотел в ту же минуту ехать к ней, высказать все презрение к той роли, которую она приняла с ним; осыпать ее упреками, представить всю подлость ее положения и оставить ее навсегда». Именно так и поступил Чацкий.

Еще более тяжелой драмой для Чацкого было крушение его общественных надежд и сознание того, что он оказался одиноким в своих заветных стремлениях. «Пезначущая встреча» с «французиком из Бордо» открыла ему на все глаза.

Заметив у многих восхищение всем иноземным и пренебрежение к своему родному, отечественному, Чацкий произносит речь, полную любви к родине, ее культуре. Перед ним встал образ «умного и бодрого нашего народа», во имя которого он и сказал свое горячее слово.

К кому он обращался? В комнате не было никого из фамусовского общества, кроме княжен Тугоуховских. Там были те, кто встретил его сначала «дружескими тисками», к ним и была направлена его речь.

Но заветные его мысли вызвали насмешку,

хихиканье. Взволнованный Чацкий готов был произнести новую громовую речь, но все оставили его. Он почувствовал себя одиноким, свои идеалы осмеянными, свои надежды разбитыми. Расстроенный, он пошел искать Софью. Он надеялся, что она, друг его юности, поймет его, измученного «миллионом терзаний».

Но все, и Софья в том числе, смотрят на него, как на безумного. А когда он хочет излить ей свою душу, она оставляет его так же, как и прочие. Третий акт пьесы заканчивается поистине трагикомической картиной. Одиноким, отвергнутым, объявленным из-за своих вольнолюбивых идей сумасшедшим, Чацкий продолжает свой рассказ, а вокруг него равнодушные к его горю пары кружатся в вальсе...

Возвращаясь, полный надежд и упований, в Москву, Чацкий предвидел встречу с людьми фамусовского круга. «Жить с ними надоест», — говорил он Софье при первом свидании, тут же несколько утешая себя: «и в ком не сыщешь пятен». Но он был все же уверен, что Фамусовщина — это лишь осколок «века минувшего». Спокойно говорил он Фамусову в начале пьесы:

Ваш век бранил я беспощадно,
Предоставляю вам во власть:
Откиньте часть,

Хоть нашим временам в придачу;
Уж так и быть, я не поплачу.

.

Однако реальная действительность оказалась куда более мрачной. Все, кого Чацкий встретил из старых друзей, были заражены в той или иной мере фамусовщиной. Софья, умная, развитая девушка, любившая его когда-то, предпочла ему не то Молчалина, не то Скалозуба. Старый друг Горич, такой веселый, совсем еще недавно полный жизни, теперь опустился, спавал все перед той же фамусовщиной. Самые заветные мысли Чацкого встречены непониманием и насмешкой.

И грустные мысли овладевают Чацким:

Ну вот и день прошел, и с ним
Все призраки, весь чад и дым
Надежд, которые мне душу наполняли:
Чего я ждал? что думал здесь пайти?
Где прелесть эта встреч? участие в ком живое?
Крик! радость! обнялись! — Пустое.
В повозке так-то на пути
Необозримою равниной, сидя праздно,
Всё что-то видно впереди
Светло, синё, разнообразно;
И едешь час, и два, день целый, вот резво

Домчались к отдыху: ночлег. Куда ни взглянешь,
Всё та же гладь и степь, и пусто и мертво;
Досадно, мочи нет, чем больше думать станешь.

В то же время болтовня Репетилова показала Чацкому, каким поверхностным был либерализм многих, как жалки собрания «либералистов», если теперь они происходят в Английском клубе и в них принимает участие такой пошловатый и недалекий человек, как Репетилов. Грибоедов очень верно рисует политическую обстановку конца 10-х годов, когда в связи с поворотом правительства Александра I к аракчеевской реакции, многие, считавшие себя «либералами», переменили курс. Вырождение, опошление их «либерализма» Грибоедов и раскрывает в комической фигуре Репетилова. Тем яснее становится в комедии значение, образ и драма Чацкого — подлинного представителя освободительного движения. Чем дальше шли декабристы в радикализме своих общественно-политических требований, тем торопливее отходили от них всякого рода «либералы». А когда декабристы пришли к мысли о необходимости революционного восстания против самодержавия, они остались в своей дворянской среде так же одиноки, как Чацкий. Начало их трагедии и отразило «Горе от ума».

Все раскрылось перед Чацким. Он понял, что фамусовские идеалы и принципы, несмотря на противоречие их требованиям жизни, их нравственное безобразие, очень живучи и крепки в современной ему действительности, что слишком рано назвал он «преданием» «век минувший». А когда он узнал, кого Софья избрала, кого предпочла ему, то казавшаяся Чацкому вначале отживающей и смешной фамусовщина теперь представляется ему зловещей и страшной. И Чацкий восклицает:

Так! отрезвился я сполна,
Мечтанья с глаз долой и снала пелена;
Теперь не худо б было сряду
На дочь и на отца
И на любовника глуца,
И на весь мир излить всю желчь и всю досаду.
С кем был! Куда меня закинула судьба!
Все гонят! все кланут! Мучителей толпа,
В любви предателей, в вражде неутомимых,
Рассказчиков неукротимых,
Нескладных умников, лукавых простаков,
Старух зловещих, стариков,
Дряхлеющих над выдумками, вздором,—
Безумным вы меня прославили всем хором!
Вы правы: из огня тот выйдет невредим,
Кто с вами день пробить успеет,

Подышит воздухом одним,
И в нем рассудок уцелеет.
Вон из Москвы! сюда я больше не ездук.
Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок!..
Карету мне, карету!

3

Каково идейное содержание «Горя от ума»? Старине и реакции противопоставлены в комедии свободолюбивые идеи Чацкого. Чацкий прежде всего гуманист, защитник свободы и независимости личности. Рабство, в какой бы то ни было форме, вызывает его резкий и решительный протест. В своей гневной речи против «судей» Чацкий разоблачает крепостническую основу той грубо-эгоистической философии наслаждения жизнью, которая была присуща фамусовскому обществу. При этом Чацкий подчеркивает насилие и издевательство над личностью крестьян.

Так раскрывал тогда социальные противоречия крепостнического строя не один Грибоедов. В своем стихотворении «Смеюсь и плачу» первый декабрист В. Раевский обличает «барство дикое» почти что словами Чацкого:

Смотри...

Как знатный вертопрах, бездушный пустослов
Ивана à rebours с Семеном гнет на двойку
Иль бедных поселян, отнявши у отцов,
Мешлет на скворца, на пудель иль на сойку,
И правом знатности везде уважен он.
Как лицемер-ханжа, презря святой закон,
В разврате посевев, гарем по праву власти,
Творит из слабых жертв его презренной страсти,
Когда невинных стон волнует грудь мою,
Я слезы лью!

И после Чацкого-Грибоедова гуманистическая русская литература крепостной эпохи в лице Пушкина, Герцена, молодого Тургенева будет обличать крепостнический строй как строй насилия, закабаления, издевательств над крестьянами и, прежде всего, над беззащитными дворовыми и слугами, лишенными какой бы то ни было хозяйственной и бытовой самостоятельности.

Гуманистическая идея свободы личности и высокая моральная оценка простого народа были отрицанием крепостнического строя.

Чацкий — непримиримый враг духовного и морального рабства, заклеянного в комедии в образе Молчалина.

Создавая этот характер, поэт глубоко реали-

стически изобразил растлевающее влияние крепостническо-чиновничьей морали на развитие и поведение человека, зависимо от фамусовского общества. С детства Молчалина учили рабскому угодничеству перед сильными мира сего. Выполнение отцовского завета всем угождать дало возможность Молчалину и «награжденья брать и весело пожить». Чего же было требовать еще безродному чиновнику, коптевшему в захолустной Твери, откуда вытащил его Фамусов?

Жизненность и реальность образа Молчалина подтверждается фигурой гоголевского Чичикова, прошедшего такую же школу жизни и ставшего олицетворением низости и пошлости.

Писарев справедливо писал: «Молчалин сказал себе: «Я хочу составить карьеру» — и пошел по той дороге, которая ведет к «степеням известным», пошел и уже не своротит ни вправо, ни влево: умирай его мать в стороне от дороги, зови его любимая женщина в соседнюю рощу; плюй ему весь свет в глаза, чтобы остановить его движение, он все будет идти и дойдет...»

Молчалин стал нарицательным обозначением пошлости и ласейства. Совершая подлый поступок, Молчалин даже не понимает, что это подлость; что же делать, если он должен подчинить-

ся капризам дочки начальника. Он действительно недоумевает, как в маленьких чипах «можно сметь свое суждение иметь».

Тем страшнее значение этого образа. Молчалин стал символом того рабского молчания, которое стремился водворить в России Аракчеев («Ведь нынче любят бессловесных», — говорит Чацкий).

Образ Молчалина еще сильнее подчеркивает историческую заслугу перед Россией тех передовых русских людей, которые, подобно Чацкому, красноречиво и громко заговорили о достоинстве человека и независимости мысли, об общественном мнении.

В борьбе с рабским молчанием декабристы видели одну из своих важных общественных задач. Декабрист Якушкин, рассказывая о том раннем периоде русского освободительного движения, выразителем которого и является Чацкий, сообщает: «В это время главные члены Союза Благоденствия вполне ценили представленный им способ действия посредством слова истины, они верили в его силу и орудовали им успешно». Слово Чацкого было тогда его делом. Пушкин напрасно упрекал Чацкого за его речи в фамусовском обществе. Напротив, это было его заслугой.

Чацкий — просветитель. Как бы вобрав в себя

то бурное общественное возбуждение, которое дало России Пушкина и отразило могучие силы русского народа, Чацкий страстно отстаивает права разума и глубоко верит в его силу. Одну из причин вредного влияния на русскую жизнь фамусовщины он видит в общественных «предрассудках». Понятно его страстное обличение тех, кто «сужденья черпают из забытых газет времен Очаковских и покоренья Крыма», его возмущение против «старух зловещих, стариков, дряхлеющих над выдумками, вздором». В разуме, в воспитании, в общественном мнении, в силе идейного и морального воздействия Чацкий видит главное и могучее средство переделки общества, изменения жизни. Все его понятия, даже стиль его речи проникнуты этой мыслью. Отсюда и его пламенное красноречие.

Проблеме воспитания Чацкий, как и все декабристы, придает огромное значение. Уже после первых слов встречи с Софьей его мысль обращается к вопросам воспитания. В острой критике им «века минувшего» вопросы эти играют большую роль.

Человек должен воспитываться в духе свободы, независимости, чести, сознания общественного долга, любви к истинному просвещению, в духе гуманности и в тесной связи с жизнью своей родины. Эту программу Чацкого

во многом повторит через несколько лет Пушкин в своей записке о воспитании.

Особенно острый протест Чацкого, а вместе с ним и Грибоедова, вызывает французское «светское» воспитание, обычное в барской среде, как и чисто книжное сентиментально-романтическое воспитание, чуждое «отечественных прав». Во всем этом Чацкий видел тот страстно отвергаемый им аристократический космополитизм, который приводит к неоправданному восхищению всем иноземным и к пренебрежению своим родным, русским. В знаменитом монологе о французике из Бордо Чацкий решительно отвергает подчинение культурной жизни России иноземному влиянию.

Считая безусловно необходимым и важным сближение России и Западной Европы, Грибоедов решительно отстаивал сохранение национальной самобытности русской культуры. С этой точки зрения он даже критически относился к некоторым реформам Петра I, который, по мнению писателя, недооценивал близких народу положительных сторон русской старины. Сам Грибоедов был ее тонким знатоком и ценителем, хорошо знал летописи и другие памятники русской древней письменности. Он любил историю России.

Таковы основные идеи Чацкого, во многом

представителя русского просветительства и прежде всего, конечно, декабризма.

Разве, например, не напоминает идейное развитие Чацкого жизненный путь Рылеева? «Все действия жизни Рылеева,— пишет Бестужев,— озаменованы были печатью любви к отечеству: она проявлялась в разных видах: сперва сыновней привязанностью к родине, потом негодованием к злоупотреблениям и, наконец, развернулась совершенно в желании ему свободы».

Как уже указывалось, в драме Чацкого нашла свое отражение та эпоха русской жизни, которая началась с общественного возбуждения после 1812—1814 годов и заканчивается примерно 1820—1821 годами, характеризующимися резким и откровенным усилением реакции. В истории дворянского освободительного движения, вызванного национально-патриотическим подъемом 1812—1814 годов, это время отличается, с одной стороны, пылким увлечением широких кругов дворянской молодежи свободомыслием, надеждами на важные изменения в русской общественной жизни сверху, а с другой — неясностью, незрелостью общественно-политической программы, случайностью, неопределенностью участия в этом движении многих «либералистов», отказавшихся потом от своего свободомыслия.

Всеобщее воодушевление и вольполюбивые поэтические мечтания столкнулись с суровой прозой реакционно-крепостнической действительности. Наступил кризис, и многим стала ясна вся иллюзорность их надежд и упований на возможность «свободы просвещенной» и скорого падения рабства в России. Психологически и морально этот исторический момент выразился у многих представителей передовой дворянской молодёжи в смене мечтательных и прекраснородушных настроений горечью разочарования в лучших чувствах и надеждах. Эти настроения испытали и Чаадаев, и Рылеев, писавший:

Не сбылся, мой друг, пророчества
Пылкой юности моей:
Горький жребий одиночества
Мне сужден в кругу людей! —

и многие из будущих декабристов. Кризис этот прекрасно выразил и Пушкин в послании Чаадаеву:

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман:
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман.

В художественном изображении этого кризиса прежде всего и заключается конкретно-исторический смысл и содержание коллизий «Горя от ума». В комедии в образе Чацкого Грибоедов запечатлел «самую блестящую, — как говорил Герцен спустя тридцать лет, — эпоху тогдашней России, эпоху надежд и возвышенной юности».

Однако историческое значение комедии более широко. Ранняя драма молодых русских «либералистов» конца 10-х годов через несколько лет переросла в огромную историческую трагедию декабристов. Но своим идеям и по своим переживаниям Чацкий оказался и для своих современников и для последующих поколений литературным героем декабризма. Это правильно заметили Герцен и Достоевский — люди различных общественных лагерей. Движение декабристов было частью общеевропейского освободительного движения 20-х годов, развивавшегося под знаменами борьбы с феодальной абсолютистской реакцией в Европе. В известной степени образ Чацкого и свободолюбивые идеи «Горя от ума» были отражением не только русского, но и этого широкого общеевропейского освободительного движения.

Но драму Чацкого пережили не одни декабристы, а вообще многие русские просветители крепостной эпохи. Разве Радищев, создавая свое

«Путешествие из Петербурга в Москву», не верил в успех своих горячих призывов к человечности и разве потом не испытал он горя Чацкого, увидя вокруг себя Фамусовых, для которых он был «хуже Пугачева»? Разве Пушкин не испытал разочарования Чацкого, когда после «Кинжала» ему пришлось написать «Сеятеля»? Разве Герцен в страшный момент крушения своих надежд в революцию 1848 года не испытал драмы Чацкого? Пока русские просветители крепостной эпохи стояли далеко от народа, не обладали научной революционной теорией, они все при столкновении с реальной действительностью в большей или меньшей степени испытывали драму Чацкого.

Казалось бы, что драма Чацкого, запечатлевшая драму целого поколения, должна производить на зрителя подавляющее впечатление, возбуждать пессимистические настроения. На самом же деле зритель уходит из театра совершенно с иным чувством. Пафос комедии оптимистичен. Горе от ума испытывает не только Чацкий. Горе от ума Чацких терпят и Фамусовы, которым Чацкие наносят страшный удар своими обличениями. Спокойное и беспечное существование фамусовского общества кончилось. Паразитический его эгоизм обличили, его философию жизни осудили, против него восстали. Борьба

против него не завершилась в комедии. Она и в жизни только начиналась. Грибоедов не поставил и не мог поставить точки. Чацкий рвет с фамусовским обществом и уезжает.

О дальнейшей судьбе Чацкого Герцег пишет: «Чацкий шел прямой дорогой на каторжную работу, и если он уцелел 14 декабря, то наверное не сделался ни страдательно тоскующим, ни гордо презирающим лицом.. не оставил бы ни в каком случае своей пропаганды».

Устанавливая исторические связи образа Чацкого, Аполлон Григорьев справедливо заметил: «Чацкий, кроме общего своего героического значения, имеет еще значение *историческое*. Он— порождение первой четверти русского XIX столетия, прямой сын и наследник Новиковых и Радищевых, товарищ людей «вечной памяти двенадцатого года». «Могущественная, еще глубоко верующая в себя и потому упрямая сила, готовая погибнуть в столкновении с другою», Чацкий уходит далеко в будущее.

В освободительных идеях комедии, в мыслях и чувствах Чацкого можно найти зародыши многочисленных идей и образов, которые разовьются в последующие десятилетия, вплоть до великого демократического движения 60-х годов. В этом смысле концовка комедии символична.

Оставив позади барский дом Фамусова, карета Чацкого покатила по широким просторам русской жизни...

Гениальная комедия Грибоедова имеет не только национально-историческое значение.

Подобно шекспировскому «Гамлету» или «Дон-Кихоту» Сервантеса, она полна глубокого общечеловеческого смысла. Образ Чацкого — это образ человека-поватора. Как верно заметил Гончаров, «Чацкий неизбежен при каждой смене одного века другим... Чацкие живут и не переводятся в обществе... где длится борьба свежего с отжившим, больного с здоровым... Каждое дело, требующее обновления, вызывает тель Чацкого... будет ли то новая идея, шаг в науке, в политике, в войне... Вот отчего не состарился до сих пор и едва ли состарится когда-нибудь грибоедовский Чацкий, а с ним и вся комедия».

Давая общую оценку общественного значения грибоедовской комедии, великий русский критик Белинский справедливо характеризует «Горе от ума» как благороднейшее создание гениального человека, бурное излияние «громового негодования при виде гнилого общества ничтожных людей, в души которых не проникает луч божьего света, которые живут по обветшалым преданиям старины, по системе пошлых и безразличных правил, которых мелкие це-

ли и низкие стремления направлены только к призракам жизни — чинам, деньгам, сплетням, унижению человеческого достоинства, и которых апатическая, сонная жизнь есть смерть всякого живого чувства, всякой разумной мысли, всякого благородного порыва...» «Горе от ума», — заключал Белинский, — имеет великое значение и для нашей литературы и для нашего общества».

Запечатлев одну из замечательнейших эпох русской жизни, Грибоедов, по мнению Писарева, создал одно из «величайших произведений нашей литературы». «Чтобы нарисовать историческую картину, — писал критик, — надо быть не только внимательным наблюдателем, но еще, кроме того, замечательным мыслителем; надо из окружающей вас пестроты лиц, мыслей, слов, радостей, огорчений, глупостей и подлостей выбрать именно то, что сосредоточивает в себе весь смысл данной эпохи... Такую громадную задачу действительно выполнил для России 20-х годов Грибоедов».

Комедия выросла из страстного желания Грибоедова посмеяться над «охотниками поподличать», из глубокого понимания им огромного общественного значения смеха. По замечанию Гоголя, «Горе от ума», эта «истинно-общественная комедия», была «грозым очищением... от сору и дразгу земли нашей».

Знаменитый русский историк Ключевский имел большое основание назвать комедию Грибоедова «самым серьезным политическим произведением русской литературы XIX века». Уже современники, ощущая острую актуальность комедии, прозвучавшей, как открытый вызов миру обмана и привилегий, сравнивали «Горе от ума» с «Женитьбой Фигаро» Бомарше, сыгравшей, как известно, значительную роль в освободительном движении во Франции конца XVIII века. Подобную роль сыграла в России и великая комедия Грибоедова. Она была написана «во имя высших законов... и человечески-народного взгляда» (Ап. Григорьев) и действительно стала глубоко народным творением.

Национальные особенности русской литературы проявились в «Горе от ума» и в освободительных ее идеях, и в гуманных чувствах, выраженных комедией, и в глубоко правдивых картинах, и в народности языка, и в высоком реалистическом ее искусстве, и в том служении передовым идеалам жизни, во имя которых и была создана комедия.

Ни одно произведение русской литературы до «Горя от ума» не проникало в такой степени глубоко в толщу русской жизни, в широкие круги тогдашнего читателя. «Сразу поняв ее красоты и не найдя недостатков», — говорит Гоп-

чаров, — грамотная масса... разнесла рукопись на клочья, на стихи, полустихия, развела всю соль и мудрость пьесы в разговорной речи, точно обратила миллион в гривенники». Широкая известность комедии сделала смешным и бессмысленным ее цензурное запрещение, и царское правительство вынуждено было снять его. В 1831 году «Горе от ума» первый раз было поставлено в Москве на русской сцене, и это было праздником и торжеством русского искусства.

4

Оценивая художественные качества комедии, Белицкий с восхищением писал: «Какая убийственная сила сарказма, какая едкость иронии, какой пафос в лирических излияниях раздраженного чувства; сколько сторон, так тонко подмеченных в обществе; какие типические характеры, какой язык, какой стих — энергичский, сжатый, молниеносный, чисто-русский! Удивительно ли, что стихи Грибоедова обратились в поговорки и пословицы и разнеслись, между образованными людьми, по всем концам земли русской! Удивительно ли, что «Горе от ума» еще в рукописи было выгучено наизусть целой Россией!»

Появление «Горя от ума» предвещало близ-

кую победу реализма в русской литературе. И не только потому, что в картинах комедии с исторической верностью запечатлена русская жизнь, русские люди, нарисованные с такой жизненной правдой. В русскую литературу Грибоедов первый вводит плодотворный принцип историзма при изображении действительности. В «Горе от ума» жизнь раскрывается не в статических образах литературы XVIII века, а в движении, в развитии: ясно ощущается смена исторических эпох, борьба нового со старым, обнаруживаются источники новых идеалов и новых людей. Само содержание комедии проникнуто глубоким историзмом.

Герои литературы XVIII века—уже сложившиеся характеры. Грибоедов, напротив, стремится раскрыть внутреннюю эволюцию своих героев, смену их настроений, изменения в их психологическом облике. С огромным искусством и психологической проникновенностью обрисована постепенно нарастающая драма сердца и разума Чацкого. Тщательно Грибоедов обосновывает поступки, взгляды и отношения своих героев условиями их жизни. В соответствии с передовыми идеями материалистической мысли XVIII века жизненные столкновения и характеры людей показаны в зависимости от общественных нравов, воспитания, борьбы идей. С те-

ниальной зоркостью Грибоедов, вслед за Радищевым, раскрывает социальную связь диких барских нравов и бесправия, страданий и горя крепостного крестьянства. Сочувствие закрепощенным народным массам составляет самую основу грибоедовского реализма.

Ярки и жизненны образы комедии. Уже современники отмечали портретность многих её героев, отыскивая их прототипы в барской Москве. В Фамусове, очевидно, обрисован дядя Грибоедова — Алексей Федорович Грибоедов, типичный представитель «века минувшего». В старухе Хлестовой показана принадлежащая к самому высшему московскому кругу властная и влиятельная Пастасья Дмитриевна Офросимова, отличавшаяся метким взглядом и резким языком. Образ ее встречаем и в «Войне и мире» Л. Н. Толстого.

Сохраняя свою индивидуальную конкретность, типы комедии полны в то же время огромного обобщающего значения. Сам Грибоедов писал об этом своему другу Катенину: «Портреты и только портреты входят в состав комедии и трагедии; в них однако есть черты, свойственные многим другим лицам, а иные всему роду человеческому...» Действительно, «молчалищи́на», «фамусовщина» и т. п. часто употребляются как нарицательные имена для обозначения

всего низкого и пошлого, бюрократизма, подхалимства и т. п., тогда как Чацкий является символом благородства и свободолюбия. В искусстве художественной типизации Грибоедов — предшественник и учитель Гоголя.

Фамусовское общество едино по своей вражде ко всему передовому, свободомыслящему, но каждый из его представителей проявляет себя как живой, полный и яркий характер. В этом отношении русская литература в комедии Грибоедова сделала огромный шаг вперед по сравнению с отвлеченным, схематическим, однолинейным изображением героев в литературе эпохи классицизма XVIII века.

Принципом художественной конкретности определяются и особенности речи грибоедовских персонажей, отражающих свойства их характеров.

Грибоедов — мастер драматургической композиции. Свободно, легко, непринужденно и вместе с тем тонко и с нарастающим драматизмом ведет он действие комедии, искусно переплетая и связывая драму любви Чацкого с его общественной драмой. Ясное течение интриги, обнаженность драматических коллизий пьесы отнюдь не говорит о художественной ее элементарности. Ясность создается жизненностью, правдивостью тех столкновений, которые обрисованы

в комедии, внутренней мотивировкой поступков героев, простотой и в то же время напряженностью завязки. На простоту и ясность содержания своей комедии указывал сам Грибоедов.

Комедия XVIII века строилась с обязательным соблюдением единства времени, места и действия. В «Горе от ума» события также разворачиваются в одном месте, в течение одних суток и вокруг одного героя. Однако соблюдение принципов старой драматургии отнюдь не свидетельствует о литературном староверстве Грибоедова. «Единства» классицизма не противоречили самой сущности содержания комедии и разворачиванию ее действия, связанного с характером Чацкого. Решительно отвергая обязательность для каждой пьесы «узких рамок» трех единств, Грибоедов показал, что и старые художественные каноны могут быть использованы, если они не противоречат правдивости изображения, а дают ему естественную, непринужденную форму. Как Пушкин, Грибоедов не был сторонником какой-нибудь одной литературно-эстетической теории, а обогащал себя опытом всей предшествующей художественной культуры. «Я как живу, так и пишу — свободно и свободно», — заявлял он.

Уже современники высоко оценили достоинства слога и языка комедии, народность её стиля.

«До Грибоедова,—указывает писатель В. Одоевский,—слог наших комедий был слепком слога французских; натянутые, выглаженные фразы, заключенные в шестистопных стихах, приправленные именами Милонов и Малек, заставляли почитать даже оригинальные комедии переводными... у одного г-на Грибоедова мы находим непринужденный, легкий, совершенно такой язык, каким говорят у нас в обществах, у него в слогe находим мы колорит русский. В сем случае нельзя доказывать теоретически; но вот практическое доказательство истины слов моих: почти все стихи комедии Грибоедова сделались пословицами, и мне часто случалось слышать в обществе целые разговоры, которых большую часть составляли стихи из «Горя от ума».

«О стихах я не говорю: половина — должна войти в пословицу,—раньше всех заметил Пушкин о языке «Горя от ума». Действительно, можно привести целый ряд выражений и реплик из комедии, которые настолько вошли в наш быт и нашу речь, что мы даже забываем о их происхождении: «счастливые часов не наблюдают; кто беден, тот тебе не пара; подписано, так с плеч долой; блажен, кто верует, тепло ему на свете; и дым отечества нам сладок и приятен; что за комиссия, создатель, быть взрослой дочери отцом; читай не так, как пономарь, а с

чувством, с толком, с расстановкой; свежо предание, а верится с трудом; ах, тот скажи любви конец, кто на три года вдаль уедет; слушать бы рад, прислуживаться тошно» и мн. др.

Реализм комедии сказывается не только в жизненности ее образов, в национальном характере ее языка, но также и в разговорной неприпужденности ее вольного ямба, в ее речевой легкости. Комедия XVIII века страдала нарочитой сниженностью языка, часто переходившей даже в грубость. Полностью сохраняя разговорное «просторечие», Грибоедов выдерживает язык комедии в общелитературных языковых нормах, легших в основу всего дальнейшего развития русской драматургии.

Богатство и народность грибоедовской речи подготавливались и его собственным ранним литературным опытом и предшествующим развитием русской литературы, а особенно творчеством Крылова, на что справедливо указал еще Белинский. Вместе с Крыловым и Пушкиным Грибоедов создавал великий русский литературный язык.

«Горе от ума» было одним из самых ярких выражений той борьбы за русскую национальную культуру, за самобытность русской литературы, которую вели в ту эпоху и Грибоедов, и Крылов, и другие передовые русские писатели во главе

с Пушкиным. Произведение Грибоедова не было одиноким в русской литературе. В обличении крепостнических нравов, барско-чиновничьей среды, в насмешках над дворянским увлечением всем иностранным, наконец, в стремлении реалистически отобразить русскую действительность ей предшествовали и комедии Фон-визина, и «Ябеда» Капниста, и комедии Крылова, и вся сатирическая, наиболее самобытная линия русской литературы XVIII века. С другой стороны, громовые, полные общественного пафоса, речи Чацкого по своему строю несомненно восходят к витийственной оде XVIII века, с которой была связана и гражданская политическая лирика декабристов. Стиль «Горя от ума» вообще многим обязан рационалистической художественной культуре эпохи классицизма. В творческом сознании Грибоедова «Горе от ума» возникало и на широком фоне комедийной литературы и эпиграмматической поэзии начала прошлого столетия. Как писатель, стоявший на вершине художественной культуры своего времени, Грибоедов использовал опыт и западноевропейской литературы, в особенности Мольера и Шекспира. Но на все унаследованное им Грибоедов наложил отпечаток своей могучей художественной индивидуальности, своего самобытного творческого духа.

Устанавливая огромное значение комедии Грибоедова для последующего развития русской литературы, Белинский писал: «Вместе с «Онегиным» Пушкина... «Горе от ума» было первым образцом поэтического изображения русской действительности в обширном значении слова. В этом отношении оба эти произведения положили собой основание последующей литературе, были школой, из которой вышли и Лермонтов, и Гоголь. Без «Онегина» был бы невозможен «Герой нашего времени», так же как без «Онегина» и «Горя от ума» Гоголь не почувствовал бы себя готовым на изображение русской действительности, исполненное такой глубины и истины». «Горе от ума» предшествовало «Ревизору», а многие мотивы грибоедовской комедии звучат и в «Маскараде» Лермонтова и в «Доходном месте» Островского. Будучи шагом вперед в художественном развитии русского народа, «Горе от ума», переведенное почти на все европейские языки, входит в золотой фонд мировой драматургии.

5

«Горе от ума» не только помогло передовым русским людям глубже разобраться в окружающей их жизни, но было актом самопознания и для самого Грибоедова. Комедия полна грибое-

довских «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет». Именно поэтому «Горе от ума» так глубоко лирично.

После «Горя от ума» начинается последний период жизни великого драматурга.

Веселое и беспечное настроение прошлого теперь редкий гость у Грибоедова. «Веселость моя исчезла»,— пишет он другу. Его часто посещает грусть, мучает тоска. Даже законная творческая радость от блестящего успеха «Горя от ума» быстро гаснет...

Безрадостный скептицизм овладевал иногда Грибоедовым. «Какой мир! Кем населен! И какая дурацкая его история!»— пишет он. Однако вскоре подобные пессимистические настроения стали преодолеваться поэтом.

Весной 1825 года кончился отпуск. Возвращаться на Кавказ Грибоедов решил через Киев и Крым. В мае он уже был на Украине. Киевская старина овладела там его воображением.

Из Киева он направился в Крым. Его письма оттуда полны восторга. Поэтически описывает он крымскую ночь: «Луна плавает над морем между двух высот. Звезда из-за черного облака. Другая скатилась надо мною. Какой гений подхватил ее?» Само путешествие на лошадях восхищает поэта. «Верь мне,— пишет он другу,— чудесно всю жизнь свою прока-

таться на 4-х колесах; кровь волнуется, высокие мысли бродят и мчат далеко за обыкновенные пределы пошлых опытов, воображение светло, какой-то бурный огонь в душе пылает и не гаснет...»

В конце сентября Грибоедов прибыл на Кавказ. А в конце января 1826 года в крепости Грозной Грибоедов по приказу Николая I был арестован.

14 декабря (ст. ст.) 1825 года в Петербурге произошло вооруженное восстание декабристов.

Оно было беспощадно подавлено. Началась жестокая расправа с заговорщиками. По всей России искали и хватали причастных к заговору людей. Полетели курьеры и на Кавказ к генералу Ермолову.

Ермолов предупредил Грибоедова о грозящем аресте, и он успел уничтожить опасные для него бумаги. Грибоедова арестовали и увезли в Петербург.

Доказать участие Грибоедова в заговоре царской следственной комиссии не удалось, хотя она прекрасно понимала, что автор «Горя от ума» по своим идеям не мог не быть декабристом. Но прямых улик не было, и, желая хоть на ком-нибудь показать лицемерную свою «милость», Николай I велел освободить Грибое-

дова. Ему выдали «очистительный аттестат» и затем по приказу царя за ним установили секретный полицейский надзор. Николай I так же не любил и боялся Грибоедова, как впоследствии не любил и боялся Пушкина и Лермонтова.

По вопросу о том, состоял или не состоял Грибоедов формально членом тайного общества декабристов, проф. М. В. Печкина пишет: «Зиму 1824-25 г. Грибоедов провел в Петербурге в тесном кругу друзей-декабристов. Тут встретим мы чуть ли не основные имена тех, кто организовал восстание 14 декабря,—К. Рыльева, А. Бестужева, П. Бестужева, П. Каховского, Е. Оболенского, А. Одоевского... Можно смело утверждать: Грибоедов знал о замыслах декабристов и о готовящемся выступлении. Северная Дума имела суждение о Грибоедове и вынесла решение о принятии его в члены тайного общества. Нет сомнений, что Грибоедов был связан с ним организационно, только Рылеев сознательно оставил принятие Грибоедова неоформленным, «несовершенным», потому что «жалел подвергнуть опасности такой талант». Как бы то ни было, в идейно-политическом отношении, в понимании задач русской жизни, в своей непримиримой вражде к рабству, к самодержавно-крепостническому строю Грибоедов бесспорно является идеологом декабризма и, как

автор «Горя от ума», выдающимся деятелем дворянского революционного движения.

Однако, с другой стороны, несомненно и то, что Грибоедов скептически относился к возможности успеха заговора декабристов. «Биографическая традиция,— рассказывает проф. Пиксанов,— сохранила ироническую фразу Грибоедова, которую он, говорят, часто повторял, смеясь: «Сто прапорщиков хотят изменить весь государственный быт в России».

Грибоедов, глубоко осознал, что деятельность немногих Чацких и страстные их призывы к разуму и общественной совести недостаточны для изменения русской жизни.

Историческое и идейное содержание «Горя от ума» помогает раскрыть источники этого грибоедовского скептицизма.

Сомнения Грибоедова вытекали из сознания им разобщенности передовой дворянской интеллигенции и народа. Эта мысль выражена в знаменитом монологе Чацкого. Роль народа в исторической жизни все более отчетливо осознается Грибоедовым. Это нашло свое отражение и в плане трагедии о 1812 годе, и в задуманной им «Грузинской ночи», и в плане другой трагедии — «Радамист и Зенобия». В последней автор хотел показать неудачный заговор вельмож против царя — неудачный потому, что он

не был поддержан народным возмущением. Мысль Грибоедова в решении этой важнейшей проблемы русской жизни XIX века развивалась в том же направлении, как и мысль Пушкина.

Тяжело пережил Грибоедов общественную и личную свою трагедию и скорбную судьбу многих друзей. По словам П. Бестужева, пострадавшего по делу декабристов и встретившегося потом с Грибоедовым на Кавказе, «слезы негодования и сожаления дрожали в глазах благородного; сердце его обливалось кровью при воспоминании о поражении и муках близких ему по душе и, как патриот и отец, (он) сострадал о положении нашем. Не взирал на опасность знакомства с гонимыми, он явно и тайно старался быть полезным. Благородство и возвышенность характера обнаружились вполне, когда он дерзнул говорить государю в пользу людей, при одном имени коих бледнел оскорбленный властелин!..» Горячо, но безуспешно просил Грибоедов об облегчении участи своего друга поэта-декабриста А. Одоевского. Ему написал Грибоедов чудесные стихи:

Я дружбу пел.. Когда струнам касался,
Твой гений над головой моей парил,
В стихах моих, в душе тебя любил,
И призывал, и о тебе терзался!..

О, мой творец!.. Едва расцветший век
Ужели ты безжалостно пресек?
Допустишь ли, чтобы его могила
Живого от любви моей сокрыла?

После разгрома декабристов передовым русским людям в тяжелых условиях пришлось решать вопрос о своей дальнейшей судьбе и деятельности.

Грибоедов испытывал мучительные колебания. В обстановке николаевской реакции продолжать художественное творчество в духе «Горя от ума» было невозможно. Грибоедов это, по видимому, сознавал. В конце 1826 года он писал Бегичеву: «Кто нас уважает, певцов истинно вдохновенных, в том краю, где достоинство ценится в прямом содержании к числу орденов и крепостных рабов? Все-таки Шереметев у нас затмил бы Омира, скот, но вельможа и крез. Мученье быть пламенным мечтателем в краю вечных снегов». Иногда ему даже казалось, что талант его иссяк и он больше ничего не создаст. А все же его попрежнему тянет к художественному творчеству. «Поэзия... люблю ее без памяти, страстно!» — признается Грибоедов. Он пишет стихи, мысль его полна новых драматургических замыслов, остающихся, однако, незавершенными.

Грибоедов решил продолжать свою дипломатическую деятельность. В его глазах она была не службой николаевскому режиму, а служением своему государству, России, на одном из трудных и важных участков ее внешней политики, ее международной жизни.

Летом 1826 года он покидает Петербург и в начале сентября прибывает в Тбилиси. Шла война с Ираном. Весной следующего года русская армия предприняла поход на принадлежавший тогда Ирану Ереван, и Грибоедов ей содействовал, находясь при штабе командующего — генерала Паскевича и заведая его дипломатической канцелярией. Именно с этого момента и развернулась особенно широко дипломатическая деятельность Грибоедова. Изучая общественные настроения в Иране, привлекая на сторону России недовольных шахом иранских государственных деятелей, Грибоедов оказал большую помощь русской армии. Когда русские войска взяли Тавриз и стали угрожать Тегерану, шах запросил мира. 22 февраля 1828 года сто один выстрел ознаменовал окончание войны с Ираном.

Извещая одну свою приятельницу о мире, взволнованный Грибоедов писал: «Мы здесь все в чаду побед». Он торжествовал с полным правом. В мирных переговорах Грибоедов сыграл

большую роль, чем даже специально присланный из Петербурга уполномоченный министерства иностранных дел Обрезков и сам Паскевич. Заслуги Грибоедова в заключении выгодного для России Туркманчайского договора специально были отмечены Паскевичем в его донесении. Паскевич писал о Грибоедове: «Я осмеливаюсь рекомендовать его, как человека, который был для меня по политическим делам весьма полезен». Отвезти в Петербург Туркманчайский трактат и было поручено Грибоедову.

С почетом, радушно, как вестника победы, встретила Грибоедова столица России. С большой радостью приветствовал писателя литературный и театральный мир. Он встречается с Пушкиным, Крыловым, польским поэтом Адамом Мицкевичем и другими литераторами. Здесь встретился он с великим русским композитором М. И. Глинкою, заметившим, что Грибоедов «был очень хороший музыкант». Действительно, грибоедовские вальсы до сих пор ценятся любителями русской музыкальной старины.

В Петербург он привез с собой отрывки из романтической трагедии «Грузинская ночь». Содержание трагедии известно из следующего пересказа Ф. В. Булгарина: «Во время военных и дипломатических занятий Грибоедов, в часы досуга, уносился душою в мир фантазии. В по-

следнее пребывание свое в Грузии он сочинил план романтической трагедии и несколько сцен, вольными стихами с рифмами. Трагедию назвал он: Грузинская ночь; почерпнул предмет оной из народных преданий и основал на характере и нравах грузин. Вот содержание: один грузинский князь за выкуп любимого коня отдал другому князю отрока, раба своего. Это было делом обыкновенным, и потому князь не думал о следствиях. Вдруг является мать отрока, бывшая кормилица князя, няня дочери его; упрекает его в бесчеловечном поступке, припоминает службу свою и требует или возврата сына, или позволения быть рабою одного господина, и угрожает ему мщением ада. Князь сперва гневается, потом обещает выкупить сына кормилицы и, наконец, по княжескому обычаю,—забывает обещание. Но мать помнит, что у нее оторвано от сердца детище, и, как азиатка, умышляет жестокую месть. Она идет в лес, призывает Дели (Али), злых духов Грузии, и составляет адский союз на пагубу рода своего господина. Появляется русский офицер в доме, таинственное существо по чувствам и образу мыслей. Кормилица заставляет Дели (Али) вселить любовь к офицеру в питомице своей, дочери князя. Она уходит с любовником из родительского дома. Князь жаждет мести,

ищет любовников и видит их на вершине горы св. Давида. Он берет ружье, прицеливается в офицера, но Дели (Али) тесут пулю в сердце его дочери. Еще не свершилось мщение озлобленной кормилицы! Она требует ружье, чтобы поразить князя,— и убивает своего сына. Бесчеловечный князь наказан небом за презрение чувств родительских и познает цену потери детища. Злобная кормилица наказана за то, что благородное чувство осквернила мстостью. Они гибнут в отчаянии. Трагедия, основанная, как выше сказано, на народной грузинской сказке, если бы была так кончена, как начата, составила бы украшение не только одной русской, но всей европейской литературы. Грибоедов читал нам наизусть отрывки, и самые холодные люди были растроганы жалобами матери, требующей возврата сына от своего господина. Трагедия сия погибла вместе с автором!..»

План и сохранившиеся отрывки трагедии «Грузинская почта» с ее острой социальной коллизией свидетельствуют, что Грибоедов упорно стремился к глубоким обобщениям жизни, к большим общественным проблемам. В своем настойчивом внимании к противоречиям феодально-крепостнической действительности Грибоедов далеко опережал большинство своих современников-писателей и был предшественником Пуш-

кина с его «Дубровским» и даже Герцена. «Грузинская ночь» говорила также о глубоком интересе Грибоедова к жизни любимой им Грузии.

В июне 1828 года Грибоедов навсегда покинул Петербург.

Заклучить Туркманчайский договор с Ираном было еще недостаточно, нужно было добиться выполнения его условий. А это осложнялось политикой Турции, готовившейся в то время к войне с Россией и всячески пытавшейся привлечь на свою сторону Иран. Обстановка требовала назначения в Иран опытного и талантливого дипломата. И несмотря на то, что в царском министерстве иностранных дел сильно недолюбливали Грибоедова и числили его среди младших чиновников, пришлось именно его назначить на высокий и ответственный пост полномочного русского министра-резидента в Иране.

Широко и проникательно смотрел Грибоедов на свои дипломатические задачи и русскую политику в Иране. Уже через несколько дней после своего назначения в апреле 1828 года он составляет «Проект инструкции посылаемому в Персию», поражающий всеобъемлющим и глубоким знанием этой страны, ее быта, обычаев, нравов, политики и т. д., с одной стороны, и четким определением задач русской миссии — с другой.

7 октября русская миссия прибыла в Тбилиси для дальнейшего следования в Иран. С этого момента начался самый напряжённый период в дипломатической деятельности Грибоедова. К этому времени у него сложились определённые, во многом расходившиеся с политикой царского министерства иностранных дел взгляды на взаимоотношения России с Ираном. Грибоедов полагал, что без прочных экономических связей у России не может быть с ним тесных дружественных отношений. Этим отчасти и объясняются его экономические проекты и планы организации различных компаний для торговли с Ираном и другими странами Среднего Востока.

Обладая пропагандательным и глубоким умом, сильной волей, исключительной твердостью и настойчивостью в достижении целей, государственно важных для России, Грибоедов не мог не быть яркой самобытной фигурой на дипломатическом поприще. А присоединявшаяся к этим качествам энциклопедическая образованность и широкая осведомленность в обстановке и политических проблемах делали Грибоедова одним из крупнейших дипломатов его времени. Это хорошо понимали некоторые наблюдательные современники.

Известный впоследствии русский генерал Му-

равьев-Карский, человек, недолюбливавший Грибоедова, писал о нем:

«Грибоедов в Персии был совершенно на своем месте, он заменял нам там единым своим лицом двадцатитысячную армию, и не найдется, может быть, в России человека столь способного к занятию сего места. Он был настойчив, знал обхождение, которое нужно было иметь с персиянами, дабы достичь своей цели. Он был бескорыстен и умел поработать умы, если не одними дарованиями и преимуществами своего ума, то твердостью». Ревниво и твердо оберегая достоинство русского дипломата и русского имени, Грибоедов говорил: «Слава богу... я поставил себя здесь на такую погу, что меня боятся и уважают... Уважение к России и к ее требованиям — вот мне что нужно».

Однако Грибоедов не думал ограничить свою деятельность только областью внешней политики. Пользуясь своим влиянием у Паскевича, Грибоедов стремился к устройству гражданского быта народов Закавказья на основе гуманной политики и правильного, дальновидного понимания государственных интересов России... Грибоедов был решительно не согласен с той реакционной политикой, которая проводилась русским царизмом в Закавказье. В записке

об учреждении наподобие английской Ост-индской компании Российской закавказской компании Грибоедов намечает обширный план развития торговли, культуры и просвещения закавказских народов. «Таким только образом,— замечает Грибоедов,— исчезнут предрассудки, полагавшие резкий рубеж между нами и подвластными нам народами». «Ничто не скрепит так твердо и нераздельно уз, соединяющих россиян с новыми их согражданами по сю сторону Кавказа, как преследование взаимных и общих выгод» и «начертание законов, согласных с местными обычаями». Смело призывал он правительство «равно благотворить всем своим подданным, какой бы они нации ни были». «Через сие создалась и возвысилась Россия»,— заключает Грибоедов. Его глубокий ум решал этот вопрос в духе прогрессивных государственных идей.

Обширны были связи Грибоедова с культурой народов Закавказья. Бывая в Ереване, Эчмиадзине, Грибоедов изучал положение Армении, интересовался историей армянского народа, следил за развитием армянского искусства. Сюжет своей трагедии «Радамист и Зенобия» Грибоедов взял из древней армянской истории. В Ереване в декабре 1827 года Грибоедов первый и единственный раз в жизни смотре-

спектакль «Горе от ума» в постановке любительской труппы.

Бывал Грибоедов и в Азербайджане. Азербайджанский поэт и ученый А. Бакиханов был хорошо знаком Грибоедову.

Но особенно тесно связано имя Грибоедова с солнечной Грузией. Современным грузинским исследователем Вано Шадури собран богатый материал, характеризующий горячее участие Грибоедова в развитии грузинской культуры. Он заботится об организации публичной библиотеки в Тбилиси, о выходе газеты «Тифлисские ведомости», содействует основанию в Грузии училища восточных языков, составляет «Записку о лучших способах вновь построить город Тифлис», разрушенный нашествием иранского шаха в 1795 году. Грибоедов прекрасно знал историю, быт, искусство Грузии. Он был дружен с многими передовыми деятелями грузинского народа.

В Грузии любили и ценили Грибоедова. Один из современников вспоминает о чувствах Грузии, вызванных преждевременной смертью Грибоедова. «Отечество лишилось в нем одного из лучших своих граждан, словесность—первоклассного поэта и бессмертного творца «Горя от ума», и, наконец, все, которые имели удовольствие быть с ним знакомым,—человека с умом

высоким, творческим, пламенеющего любовью ко всему праведному, изящному и доброму, с редким благородством характера, соединенным с необыкновенной способностью оживлять все окружавшее его.

Только мы, жители Грузии, в состоянии вполне чувствовать утрату сего человека. Грузия была настоящим его поприщем деятельности: здесь он провел лучшее время своей жизни в трудах литературных и по службе. Он любил Грузию так пламенно, так чисто, как редкие любят даже родину свою. Хотя немного сделал он для нее; но желал и успел бы сделать много истинно-полезного, если бы преждевременная кончина не прекратила его деятельности при самом почти начале славного поприща. Можно утвердительно сказать, что при благотворном попечении нашего правительства, с приведением в исполнение некоторых предположений Грибоедова (с одним из друзей его), через 10 или 15 лет Грузия целым столетием подвинулась бы вперед на поприще просвещения».

Иногда Грибоедов тяготился своими дипломатическими обязанностями. «Я рожден для другого поприща»...— жалуется он в одном из своих писем. Но «пламенная страсть к делам необыкновенным», «к замыслам беспредельным»

в какой-то мере нашла себе исход и в дипломатической деятельности.

В новых условиях жизни Грибоедов нашел и новые интересы и новые пути для применения своих блестящих дарований и своего пламенного желания служить России. «Кто в нем одержал бы победу — дипломат или художник, — замечает Белинский, — это могла решить только жизнь Грибоедова».

На Кавказе, Грибоедов женился на Нине Чавчавадзе, происходившей из старинной грузинской семьи, дочери своего друга, великого грузинского поэта Александра Чавчавадзе. По рассказам современников, невеста Грибоедова «была в полном смысле красавица: стройная грациозная брюнетка, с чрезвычайно приятными и правильными чертами лица, с темнокарими глазами, чарующими всех добротою и кротостью. Грибоедов иначе не называл ее, как «мадонной Мурильо».

В письме к ближайшему другу Грибоедов пишет:

«Это было 16-го (июля). В этот день я обедал у старой моей приятельницы Ахвердовой, за столом сидел против Нины Чавчавадзевой... все на нее глядел, задумался, сердце забилося, не знаю, беспокойства ли другого рода, по службе, теперь необыкновенно важной, или что дру-

гое придало мне решимость необычайную, выходя из-за стола, я взял ее за руку и сказал ей: «Venez avec moi, j'ai quelque chose à vous dire» ¹.

Она меня послушалась, как и всегда, верно думала, что я ее усажу за фортепиано; вышло не то; дом ее матери возле, мы туда уклонились, взошли в комнату, щеки у меня разгорелись, дыхание занялось, я не помню, что я начал ей бормотать и все живее и живее, она заплакала, засмеялась, я поцеловал ее, потом к матушке ее, к бабушке, к ее второй матери Праск. Ник. Ахвердовой, нас благословили, я повис у нее на губах во всю ночь, и весь день, отправил курьера к ее отцу в Эривань с письмами от нас обоих и от родных. Между тем, выюки мои и чемоданы изготовились, все вновь уложено на военную ногу; на вторую ночь я без памяти от всего, что со мною случилось». Он просит не думать, что «любовь заглушит во мне чувство других моих обязанностей. Вздор. Я буду вдвое старательнее за себя и за нее».

В середине сентября Грибоедов с женой выехал из Тбилиси в Тавриз. На всем пути следования русского министра его торжественно встречали.

¹ Пойдемте со мной, мне нужно что-то сказать вам.

В Тавризе Грибоедов прожил два месяца.

21 декабря было последним днём, проведенным Грибоедовым с женой. Оставив жену в семье английского посланника Макдональда, Грибоедов выехал в Тегеран навстречу своей трагической гибели.

В начале января нового года Грибоедов был принят и награжден шахом. Все, казалось, обстояло благополучно. Но реакционные круги, недовольные миром России с Ираном, тайно волновали жителей Тегерана против русской миссии. Ненависть враждебных сил вызывала и твердая политика Грибоедова по вопросу о возвращении в Россию пленных и русских подданных, проживавших в Иране и желавших вернуться на родину. «Жизнь положу за своих несчастных соотечественников»,— говорил Грибоедов. И когда к нему обратился с просьбой о возвращении на родину некто Мирза Якуб, по происхождению армянин, служивший при гареме шаха, Грибоедов предоставил ему убежище в миссии. Этим воспользовались враги Грибоедова в Иране. При попустительстве шахского двора они натравили фанатически настроенные слои населения на русскую миссию. И 30 января 1829 г. произошла катастрофа. Рассказ о ней оставил секретарь миссии Мальцев, случайно спасшийся от гибели:

«Наступило роковое 30 число января. Базар был заперт, с самого утра народ собирался в мечети. «Идите в дом русского посланника, отбирайте пленных, убейте Мирзу-Якуба и Рустема!»— грузина, находившегося в услужении у посланника. Тысячи народа с обнаженными кинжалами вторгнулись в наш дом и кидали каменья. Я видел, как в это время пробежал через двор коллежский асессор князь Соломон Меликов, посланный к Грибоедову дядею его Манучерханом; народ кидал в него каменьями и вслед за ним помчался на второй и третий двор, где находились пленные и посланник. Все крыши были уставлены свирепствующей чернью, которая лютыми криками изъявляла радость и торжество свое. Караульные сарбазы (солдаты) не имели при себе зарядов, бросились за ружьями своими, которые были складены на чердаке и уже растащены народом. С час казаки наши отстреливались, тут повсеместно началось кровопролитие. Посланник, полагая сперва, что народ жаждает только отобрать пленных, велел трем казакам, стоявшим у него на часах, выстрелить холостыми зарядами, и тогда только приказал заряжать пистолеты пулями, когда увидел, что на дворе начали резать людей наших. Около 115 человек из чиновников и прислуги собрались в комнате посланника и мужественно защища-

лись у дверей. Пытавшиеся вторгнуться силою были изрублены пашками, но в это самое время запылал потолок комнаты, служившей последним убежищем русским: все находившиеся там были убиты низверженными сверху камнями, ружейными выстрелами и кинжальными ударами ворвавшейся в комнату черни. Начался грабеж: я видел, как персияне выносили на двор добычу и с криком и дракою делили оную между собою. Деньги, бумаги, журналы миссии,— все было разграблено».

Сам Грибоедов, как всегда бесстрашный и хладнокровный, до последнего момента дрался с нападавшими во главе сотрудников миссии и пал на своем посту. Как выразился Пушкин, «смерть его была мгновенной и прекрасной».

Тело Грибоедова повезли в Россию. По пути следования гроб с останками великого русского писателя случайно встретил другой великий русский писатель — Пушкин, так описавший эту встречу в своем очерке «Путешествие в Арзрум»:

«Я пересезжал через реку. Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу.

— Откуда вы?— спросил я.— «Из Тегерана».— «Что вы везете?»— «Грибоеда».— Это было тело убитого Грибоедова, которое сопровождали в

Тифлис. Не думал я встретить уже когда-нибудь нашего Грибоедова! Я расстался с ним в прошлом году, в Петербурге, перед отъездом в Персию. Он был печален и имел странные предчувствия. Я было хотел его успокоить, но он мне сказал: *Vous ne connaissez pas ces gens-là: vous verrez, qu'il faudra jouer des coutaux*¹.

Грибоедов был похоронен в Тбилиси. На его могиле стоит памятник, а на нем Нина Александровна начертала замечательные слова:

*Уж и дела твои бессмертны
в памяти русских, но для чего
пережила тебя любовь моя.*

* * *

«Грибоедов сделал свое дело,— он написал «Горе от ума»,— сказал Пушкин.

«Горе от ума» поистине бесценный дар поэта художественной культуре своего народа. И можно снова повторить слова Чернышевского, что грибоедовская комедия является «одной из самых любимых наших книг». На ее идеях воспитались многие поколения передовых русских людей.

¹ Вы еще не знаете этих людей: вы увидите, что дело дойдет до ножей.

Молодой Добролюбов хотел походить на Чацкого — «вечного обличителя лжи».

Вслед за Чернышевским и Щедриным сатирическими образами комедии широко пользовался Ленин в борьбе с царизмом, буржуазным либерализмом, врагами народа. По количеству литературных цитат в сочинениях Ленина Грибоедов идёт вслед за Щедриным и Гоголем.

Исключительно велико значение комедии Грибоедова в развитии русского театра. Сценически воплощая образы «Горя от ума», творчески росли многие великие русские актеры: Щепкин и Соснидкий, Шумский и Самарин, Ленский и Станиславский. И сейчас «жемчужина русской сцены» — грибоедовская комедия — одна из любимейших пьес советского театра. «Горе от ума», — прекрасно сказал Гончаров, — как столетний старик, около которого все, отжив по очереди свою пору, умирают и валятся, а он ходит, бодрый и свежий, между могилами старых и колыбелями новых людей. И никому в голову не приходит, что настанет когда-нибудь и его черед».

Советский народ высоко чтит память Грибоедова. В 1929 году по всей нашей стране отмечалось столетие со дня его смерти. За годы революции вышли десятки изданий «Горя от ума». Комедия переведена на украинский, бе-

лорусский, грузинский, армянский, латышский и другие языки народов Советского Союза.

Имя Грибоедова дорого всему советскому народу. В грибоедовские дни грузинский писатель Георгий Леонидзе сказал: «Неразрывными узами связаны между собой культура русского и грузинского народов. Символом этой нерушимой связи является образ Грибоедова, перед могилой которого благоговейно склоняет колени грузинский народ. Эта дружба, всегда тесная и нерушимая, особенно проявилась в суровые годы великой отечественной войны, когда она была окроплена кровью русского и грузинского народов, борющихся за свободу и независимость советской родины».

В дни победоносной войны советского народа с немецко-фашистскими захватчиками торжественно отмечаем мы юбилей Грибоедова — страстного обличителя рабства, варварства и мракобесия, пламенного защитника великих всепобеждающих идей разума и человечности.

Редактор А. Лаврецкий

Подписано к печати 19/III 1945 г. А—13067.
Тираж 50 000 экз. 3 печ. л. Зак. 118.
6-я типография треста „Полиграфкнига“
ОГИЗа при СНК РСФСР.
Москва, 1-й Самотечный пер., 17.

1 руб.

17

Огиз—Гослитиздат